Sophia Deribizova

Транскрибированный текст

- Семе́йное преда́ние
- Де́тство
- Вое́нное вре́мя
- Послевое́нное вре́мя

- **Семе́йное преда́ние**

Мои прабабушки и прадедушки по материнской линии родом из Польши. На фотографии 1913 года прадед Барух Вингельников снят вместе со своей дочерью (моей бабушкой) Соней Гольдберг и ее детьми. Прадед рано овдовел. Женился вторично. Его дочь от второго брака Берта (1908 г.р.) жила в 2001 году в г. Бостоне, США. Обе дочери Баруха (Лия, Берта) были почти ровесниками с детьми Сони и дружны с ними.

Бабушку Соню привезли из Польши для того, чтобы выдать замуж за Исая Гольдберга - моего деда. Ей в ту пору было всего 16 лет и она очень тосковала по родному дому. Всю жизнь Соня была домохозяйкой, родила и воспитала 6 детей - 5 девочек и одного мальчика. В семье был достаток.

Исай Гольдберг вместе с четырьмя братьями (Абрамом, Пинхасом, Давидом, Левием) владели промтоварным магазином. Торговали оптом и в розницу. У каждого из братьев Гольдбергов был свой дом, прислуга. В дом моего деда нанимали кучера, кухарку и горничную, держали лошадей и корову. Летом детей вывозили на собственную дачу в курорт Шиванду в окрестностях Нерчинска. Для детей нанимали няню. Одно время няней был китаец, и дети очень любили его. Дети Сони и Исая: Яков (1892 г.р.), Рахиль (1895 г.р.), Шифра (1900 г.р.), Лия (1903 г.р.), Малка (1905 г.р.) - моя мать, и Дебора (1907 г.р.).

Дети росли в атмосфере близости к природе и любви к книгам. Малка очень любила ухаживать за животными (лошадью, коровой). Позже, умение обращаться с животными пригодилось ей во время эвакуации в сибирскую деревню в период II Мировой войны. Только моя мать из всех эвакуированных умела доить корову, править лошадью.

Бабушка Соня много читала. Ее любовь к книгам передалась детям. В Нерчинске была доступна всем большая библиотека известного в Сибири предпринимателя Бутина. В народном доме, построенном Бутиным, устраивались балы. На одном из них Шифра получила приз за самую маленькую ножку. [Народные дома это клубные учреждения в дореволюционной России, где размещались библиотека с читальней, театрально-лекционный зал, воскресная школа, чайная, книготорговая лавка.

Народные дома создавались на средства органов городского самоуправления, обществ грамотности и отдельных лиц. Первые народные дома были открыты во 2-й половине 80-х годов 19 века крупными промышленниками и оказывали на население большое культурное воздействие театральными коллективами, комплектованием библиотек. Большевики широко использовали народные дома для ведения революционной пропаганды, организации массовых митингов. После Октябрьской революции 1917 на смену народным домам пришли массовые культурно-просветительские клубы]

Все дети закончили гимназию, где преподавали учителя высокой квалификации. Якова, Шифру и Дебору учили игре на фортепьяно. В последствии в 20-е годы Шифра подрабатывала тапером в кинотеатрах немого кино. Зимними вечерами собирались дети всех братьев Гольдбергов. Играли, музицировали, сообща лепили пельмени. Было весело! Дед Исай, игравший на скрипке. И его дочь Шифра на пианино образовали дуэт, который справлялся даже с серьезными произведениями. В семье не было духа строгой религиозности. Посещали молельный дом, обязательно отмечали дома еврейские праздники. В доме говорили по-русски. На идиш говорила только бабушка Хася - мать братьев Гольдбергов.

Антисемитизма не ощущали. Среди тех. Кто посещал дом Исая был и священник местной православной церкви. Мама рассказывала. Они - дети - чувствовали свою “отдельность” только в гимназии на уроках закона божьего: их освобождали от этих занятий. Еще перед революцией умер от рака горла дед Исай. Всю жизнь он любил крутой кипяток. Болел. Лечили его в Москве. Вставили трубку в горло. Но такая жизнь длилась не долго.

Незадолго перед революцией брат Яков поехал в Петербург, чтобы поселиться там. Ему пришлось каждую неделю платить уряднику взятку, чтобы тот делал вид, что не замечает еврея, нарушившего “ценз оседлости” . Потом Якову надоела такая ситуация и он вернулся в Нерчинск.

Революция и гражданская война резко изменили жизнь семьи. Власти Гольдбергов “уплотнили” т.е. отобрали часть жилья в пользу пролетариата. Отобрали винный завод у двух братьев Голумбов, которые были мужьями Шифры и Лии. Завод разгромили, а винный дух еще долго витал над городом. Братья Голумбы уехали в Харбин и больше о них ничего не было слышно. Шифра и Лия остались в Нерченске с детьми. Дочь Шифры умерла в возрасте до 3-х лет, а сын Лии Гдалий в 16 лет в блокадные дни в Ленинграде.

С середины 20-х годов сестры и брат Гольдберг потянулись в Ленинград, Иркутск. Первой уехала моя мать в 1924 году. В Ленинграде она закончила техникум хлебопекарной промышленности и получила профессию экономиста. Дебора уехала в Иркутск и поступила в экономический техникум. В конце первого курса ее исключили из техникума. Из-за того, что посмела на вечере в техникуме танцевать фокстрот! Позднее она вместе с двоюродной сестрой, тоже исключенной, обратилась к министру культуры А.В. Луночарскому, приехавшему в Сибирь. По указанию министра их восстановили. Но Дебора уже уехала в Ленинград и выучилась на нормировщика.

Последней уехала Рахиль, похоронив мать. В 1929 году мама вышла замуж за Бориса Дерибизова. Он был русский. Познакомились на вечеринке земляков-сибиряков.

- **Де́тство**

В 1930 году родилась я - София.

В начали 30-х годов сестры прислали моей матери из Нерчинска в Ленинград багаж (мебель и другие вещи). Багаж сразу конфисковали. Власти хотели забрать и вещи из квартиры родителей, но отец убедил, что они принадлежат ему, и тем все спас.

В Ленинграде наша семья - мои родители и я - жили трудно. У отца было больное сердце, был инвалидом, не работал. Работала мама, а мною занималась замужняя сестра мамы Рахиль. Она была замужем за Генрихом Иоффе, который преподавал математику в кораблестроительном институте. Мы жили в одной из двух комнат Рахили в коммунальной квартире. Для того, чтобы попасть в нашу маленькую комнату мы должны были пройти через всю большую комнату Рахили. Отец очень страдал от такой жизни. И в марте 1941 года его не стало.

К началу II мировой войны я окончила три класса государственной школы. Любимым предметом у меня были математика и история. Ребенком в школе и позже в детинтернате в войну я не испытывала проявлений антисемитизма, никакой обособленности, как еврейка, не чувствовала. Жили мы на канале Грибоедова, недалеко от православной Никольской церкви и Синагоги. Будучи детьми забегали в тот и в другой Храм. Помню, как в Синагоге служитель мягко спросил меня: “А что здесь делает русская девочка?”. Я не поняла, что это значит...

У меня были подруги. Это были одноклассники. Были ли они евреями, не знаю. Тогда, в 10-летнем возрасте меня это не интересовало.

- **Вое́нное вре́мя**

Войну я провела в детинтернате в Тюменской области. Вместе со мной была моя мама. Она работала там воспитателем.

- **Послевое́нное вре́мя**

В августе 1945 года мы вернулись в Ленинград. Я поступила в 8 класс. Мама начала работать в НИИ экономистом. В течении 1945-51 годов мы жили в арендованных комнатах, так как своей жилплощади у нас не было. В 1953 году я окончила Гидрометеорологический институт в Ленинграде. И до ухода на пенсию проработала гидрологом в системе Гидрометеослужбы.

В 1982 году при оформлении загранкомандировки на конференцию в Румынию райком КПСС не дал мне разрешения на поездку. “Причина - не работала в 1957 г., а может быть она, как дочь еврейки, в это время собиралась эмигрировать в Израиль?” - сказали в райкоме начальнику нашего отдела кадров. И это за 50-годы?! Абсурд! Через месяц под нажимом коллег и отдела кадров я подала документы вновь. Прошла жесткое собеседование в райкоме (все вопросы задавали об Израиле), и поездку разрешили.

Интерес и сопереживание с еврейским народом у меня начались с Нюрнбергского процесса. Большое негативное впечатление произвело чествование Сталина в день его 70-летия в 1951 году. Дело врачей в 1953 году, события в Чехословакии и др.окончательно изменившие мои взгляды.

В 1970 году после отъезда родственников (семьи Берты Вингельминовой-Кроль) в эмиграцию я начала переписываться с ними. Моя мама очень боялась за меня. Письма приходили не на домашний адрес, а на абонентский ящик, чтобы соседи не знали о моей переписке. Мама боялась, ибо почти всю жизнь в ней жил страх обнаружить свое богатое еврейское прошлое.